

Реконструкция прошлого в абхазских и грузинских школьных учебниках по истории

Резюме

После того, как история стала рассматривается как объект манипуляции, неоднократно отмечалось, насколько значительна ее роль в формировании общественного сознания и в эскалации или урегулировании конфликтов. Отмечается также влияние конфликтов на восприятие и реконструкцию противостоящими сторонами не только конфликтных периодов, но также всей истории, как собственной, так и чужой.

Цель данного исследования - выявить, как реконструирована история после конфликта 1992-93 годов в абхазских и грузинских школьных учебниках. Если иметь в виду, что «история всегда современна», интерпретация прошлого зависит от настоящих интересов и будущих целей, как и следовало ожидать, абхазская и грузинская версии истории значительно отличаются друг от друга.

Целью анализа являлось не доказательство правдивости или ошибочности того или иного учебника, их противопоставление для выяснения «истинного» и «фальшивого», а выявление конфликтных нарративов и необходимости их преодоления.

Естественно, только учебники не могут нести ответственность за формирование общественного сознания, стереотипы или авто-стереотипы. Но в абхазском и грузинском случае они могут иметь особое значение. Новое поколение абхазов и грузин не имеют опыта непосредственных отношений. Учебники, наряду с историографией и медией, решающим образом повлияют на восприятие друг друга абхазской и грузинской молодежью. В этом отношении многое зависит от того, какие исторические факты подобраны для рассмотрения, какие - игнорированы, как расставлены акценты, как изображены образы друг друга, как представлены моменты соприкосновения и как оценены общие для истории этих двух народов явления.

Для анализа выбраны два учебника. Первый – это изданный на русском языке учебник 10-11 классов - «История Абхазии с древнейших времен до наших дней» (О.Х. Бгажба, С.З. Лакоба, Сухум, Министерство образования РА, 2006), утвержденный Министерством образования Республики Абхазия. Так как изданные в Абхазии учебники для нас труднодоступны, мы не имели большого выбора. Из грузинских учебников мы остановились на учебнике 9 класса «История Грузии» (Г.Анчабадзе, Г.Гамкрелидзе, З.Кикнадзе, М.Сургуладзе, Д.Швелидзе. «Логос пресс», 2008). Она издана после реформы общего образования в Грузии согласно новым принципам и целям преподавания истории¹. Согласно новому стандарту, в 9 классе преподается история Грузии с древнейших времен до настоящего периода. Кроме выбранной нами книги, для этого класса изданы еще два учебника. Наш выбор обусловлен тем, что в этом учебнике более сбалансирован объем авторского текста и источников. Кроме этого, часть авторов являются теми учеными, которые принимали участие в полемике по абхазскому вопросу в 1990-х годах.

Репрезентация истории в абхазском и грузинском учебниках олицетворяет проблемы и цели, стоящие перед этими обществами, так же как их взаимоотношение. В первом случае, история является основой для легитимации независимого абхазского государства. Она должна доказать, что «Абхазия - не Грузия», и что абхазы - не только не грузины, но всегда были жертвами жертвами претеснений с их стороны. В другом случае - цель истории легитимация

¹ Национальный учебный план для общеобразовательных школ, 2008-2009 учебный год, 57-62.

многонационального, но единого грузинского государства. Грузинская версия признает культурное и этническое отличие абхазского народа и их права, но к тому же подчеркивает историческое существование этого народа на грузинской территории («Грузия единственная родина абхазов») и его органическую включенность в общегрузинский исторический процесс. Учитывая эти различия, история реконструирована в виде противоположных версий, где даны взаимоисключительные интерпретации одних и тех же явлений.

Для сравнения мы выделили несколько ключевых исторических периодов и событий. Их анализ дает возможность выявить существующие конфликтные нарративы, то место, которое отведено в них тому или другому обществу/народу; также то, как повлиял конфликт 1990-х гг. на реконструкцию истории и как определяют современные проблемы и будущие цели историческую перспективу. Можно сказать, что мы имеем дело с разными видениями, которые выявляет не только трудности во взаимоотношениях, но и совершенно разную ценностную основу, на котором основывают свое будущее эти два общества.

Этногенез и древнейший период

Концепция этногенеза занимает одно из центральных мест в историческом сознании общества. Этот вопрос тесно связан с современными проблемами идентичности. В теории этногенеза (особенно в ее советской версии, которая до сих пор доминирует в большей части пост-советского пространства), труднее всего достичь определенности и точной временной локализации. Тем не менее (а может именно поэтому), это первое по значимости «доказательство», которое определяет «кто есть кто», «кто на что имеет право», «с кем как относиться». Общеизвестно, что концепцией этногенеза общество старается доказать свое древнее происхождение, легитимировать территориальные притязания и т.д. Абхазская и грузинская концепции этногенеза очевидно представляют разные интересы этих обществ. По-разному осмыслена и само понятие этногенеза.

В абхазской теории этногенез тесно связан с этническим фактором, в частности, с этнической однородностью. К тому же, брасается в глаза, что определение абхазского народа и их предков, в первую очередь, подчеркивается размежеванием их с грузинами. *Грузины* являются теми *другими*, в противопоставлении с которыми формируется абхазская идентичность. Вторая четко выраженная цель абхазской версии этногенеза - с одной стороны, доказать автохтонность абхазского народа и их непрерывную доминантность в культурных процессах на современной территории Абхазии; с другой стороны, показать отсутствие связи грузин и их предков с этой территорией. Знаменательно, что вступительное предложение учебника заявляет: «Абхазия (по-абх. «Апсны»), страна, коренное население которой абхазы»². Что касается места первоначального проживания абхазов, такими названы «колхидская экологическая ниша» и «Колхида». Если первое представляет собой название географического ареала, то второе имеет уже этно-культурное содержание. Традиционно оно ассоциируется с западно-грузинскими племенами. Во время рассуждения о первоначальной локализации предков абхазского народа, неожиданно повествование переходит на грузинские племена. Целью является показать, что они появляются на территории Западной Грузии позже, чем предки абхазов:

² *История Абхазии с древнейших времен до наших дней*. О.Х Бгажба, С.З. Лакоба. 10-11 классы. Учебник для общеобразовательных учебных учреждений, Министерство образования РА, Сухум, 2006, 3

«Что касается древнекартвельских племен: карду-карты, кулха-колхи, луша-лазы ... еще до начала I тыс. до н.э. проживали в северо-восточных областях Малой Азии и лишь потом эти племена продвинулись ... в колхидскую экологическую нишу»³.

В отличие от этого, согласно грузинскому учебнику, в процессе этногенеза повествование принимают участие не обязательно родственные этнические группы. Подчеркивается значение объединяющих культурных факторов, таких как

«Общий язык, культура, хозяйственные традиции, мировосприятие – все то, что в целом определяет национальное самосознание»⁴.

Уже с рассмотрения проблемы этногенеза, грузинский учебник старается подчеркнуть, что основой единства является не этническая принадлежность, а общее самосознание, которое является результатом длительного совместного проживания и принадлежности к одному культурному пространству. Соответственно, допускается, что в формировании грузинского народа принимали участие не только этнические грузины. Но в то же время говорится об ассимиляции негрузинских групп под влиянием доминантного грузинского лингвистического фактора и общегрузинского самосознания:

«В процессе многовекового совместного проживания грузинских и негрузинских племен, живущих на территории Грузии, общегрузинский язык и общегрузинское самосознание взяли верх над различием племенных языков»⁵.

Рассмотрение этногенеза в таком плане является новшеством в учебнике.

Одни и те же племена в одном из учебников названы предками абхазов, а в другом – грузин. например, кораксы и гениохи. Они являются важным элементом в абхазской концепции этногенеза, так как дают возможность связать происхождение абхазского народа с более древним периодом, чем появившиеся в начале нашей эры абазги и апсилы. И в этом случае приводится информация о грузинских племенах, с целью подчеркнуть различие.

«Гениохи являлись древнеабхазскими племенами, которые заселяли в I тыс. до н.э. почти все западное Закавказье ... Они были создателями своеобразного «абхазского» варианта колхидской культуры», «характерными чертами которого являются бронзовые боевые парадные топоры». «Гениохи – это не колхи в узком смысле, т.е. древнекартвельские племена»⁶.

На земле «древнеабхазских племен гениохов» были основаны в 6 в. до н.э. Гиенос, Диоскуриада и Эшерское городище, «в то время как древнекартвельские племена (колхи в узком смысле) еще в 5 в. до н.э. проживали южнее Фасиса, точнее в районе р. Галис (совр. Турция), пока не стали постепенно вытеснять гениохов из центральной Колхиды в северно-западном направлении»⁷.

Грузинский учебник, описывая «колхидскую бронзовую культуру», распространенную на территории западной Грузии в первом тысячелетии до н.э., естественно, не упоминает «самый яркий «абхазский» вариант колхидской культуры»⁸. Характерные для этой культуры бронзовые топоры не приписываются «древнеабхазским бронзолитейщикам»⁹. Считается несомненным

³ Ibid., 6-7.

⁴ *История Грузии.* Г.Анчабадзе, Г.Гамкрелидзе, З.Кикнадзе, М.Сургуладзе, Д.Швелидзе. IX класс, Тбилиси: Логос пресс, 2008, 7.

⁵ Ibid., 14.

⁶ *История Абхазии ...*, 42, 63, 68.

⁷ Ibid., 58, 62.

⁸ Ibid., 62.

⁹ Ibid., 42

фактом, что носители колхидской культуры, так же как и население восточного побережья Черного моря в период греческой колонизации, были грузинские племена.

Как бы против этого положения, выступает следующая цитата из абхазского учебника:

«Ранние античные авторы воспринимали Колхиду в основном в географическом плане, а колхов как собирательное население этой территории. Их тогда абсолютно не волновал национальный аспект (60)... в понятие колхов тогда в широком смысле входили все племена Колхиды, в том числе гениохи, колхи в узком смысле и даже сами греки-поселенцы»¹⁰.

Противоположность между учебниками состоит в том, что в I тысячелетии до н.э. население восточного побережья Черного моря, по абхазской версии, этнически дифференцированно (древнеабхазское/древнегрузинское), а по грузинской – недифференцированно. (древнегрузинское).

Пираты Гениохи

Вместе с колхидскими топорами, бросается в глаза и противоречивая интерпретация сведения Страбона о мореплавании восточночерноморского населения. По абхазскому учебнику, здесь речь идет о древнеабхазах, по грузинскому – древнегрузинах. Поскольку оба опираются на один и тот же источник, тексты почти идентичные.

«Северо-западная группа поздних гениохов занималась в основном морским пиратством ... они имели небольшие, узкие и легкие ладьи, камары, куда могло поместиться до 25-30 человек, поэтому в источниках гениохов называют «камаритами»¹¹.

«Грузинское население использовало ... ладьи для дальнего плавания... Согласно Страбону, жители Колхиды «занимаются пиратством. Имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, куда помещаются приблизительно 25 воинов ... греки называют их камарами»¹².

Абхазский учебник, так же как и грузинский, отмечают появление новых княжеств в начале нашей эры. Разница в том, что в первом перечислены только те, которые считаются абхазскими, подчеркивая их отличие от грузинских, а во втором информация дана без всякой этнической дифференциации. Хотя и здесь встречается противоречие в идентификации, например, абасгов.

«Относительно лазов, сванов и миссимиян Агафий ... подчеркивал, что «язык у них разный так же, как и нравы»¹³.

«Ко II веку н.э в исторической Колхиде ... формируются новые княжества – Лазика, Апсилия, Абазгия, Санигия, которые признавали верховенство Рима»¹⁴.

«Древние авторы по разному упоминали объединения грузинского происхождения: колхи, иберы, халибы ... тибарены, абазги»¹⁵.

Также по разному интерпретирован факт усиления лазского княжества.

«В III-IV вв. н.э. особенно усилились лазы. Они подчинили соседние объединения племен (апсилы, абазги, сваны и др.)»¹⁶.

¹⁰ Ibid., 63-64.

¹¹ Ibid., 81.

¹² История Грузии, 89.

¹³ История Абхазии ..., 100.

¹⁴ История Грузии, 76.

¹⁵ Ibid., 2.

¹⁶ История Грузии, 76.

«...тогда существовала система вассалитета. И только так надо понимать подданство миссимян (и апсилов) лазам. Именно через лазов проводила свою политику Византия в Колхиде, создавая у них иллюзию верховенства»¹⁷.

Уже для описания обстановки первых веков н.э. использован термин «этнополитическая граница». Река Ингур, как этнополитическая граница между Абхазией/абхазами и Грузией/грузинами многократно и убедительно появляется на страницах учебника.

«[В начале н.э.] этнополитическая граница между древнеабхазскими и древнекартвельскими племенами (лазами) проходила примерно по р. Ингур. Такою она была и в VII-начале VIII вв. до образования Абхазского царства».

«Этнополитическая граница между древнеабхазскими и древнекартвельскими племенами (лазами) проходила в VI и VII вв. по р. Ингур».

«Граница между Абхазией и Грузией, говоря современным языком, проходила в VII в по Ингур (так было ранее в VI в. и позднее, в середине в VIII в.)».

В 17 веке «Этническая граница между абхазами и картвелами, проходившая до начала 2 тыс. н.э. по р. Ингур, была восстановлена. она пробрела одновременно и государственный политический статус, сохранившийся уже более 300 лет».

«Историческое право абхазского народа на Абхазию от р. Мзымта до р. Ингур».

«30 сентября 1993 года абхазская армия вышла к реке Ингур – на государственную границу с Грузией, где и водрузила у моста абхазский флаг»¹⁸.

Очевидно, это указывает на попытку проецирования современной реальности на прошлое с целью ее легитимации. Естественно, что эта «сакральная»¹⁹ граница впервые упоминается в связи с происхождением абхазского народа и обозначает грань, как территориальную, так и культурную, между абхазами и грузинами. Если сравнить карты из учебников, мы не сможем найти такую четкую границу в грузинском варианте истории.

Абхазское царство

Если в абхазском учебнике период Абхазского царства считается одним из важнейших этапов в процессе формирования абхазского народа и государственности, то в грузинском та же политическая единица рассматривается в общегрузинском контексте, подчеркивается превосходство грузинского культурного и лингвистического элемента и включенность этого царства в грузинское политическое пространство.

«Утверждение христианства в Абхазии в качестве государственной религии способствовало консолидации древнеабхазских племен в единую феодальную народность и созданию идеологических предпосылок для образования к 786 г. независимого абхазского царства... так Абхазия стала на путь своей независимой раннефеодальной государственности, которую и следует принимать за основу»²⁰.

«Первоначально, в формировании абхазского царства ведущую роль сыграло абхазское (абазское) княжество ... абхазы жили в северо-западной части царства, а большинство населения говорило

¹⁷ История Абхазии ..., 99.

¹⁸ Ibid., 8, 103, 151, 179-180, 301, 382.

¹⁹ Малхаз Тория, «Теоретическое обоснование «этнической чистки» в современной абхазской историографии (на основе книги Т.А. Ачугба)», в: Р. Топчишвили, ред., *Кавказский этнологический сборник*, Тбилиси: Универсал, 2007, 58.

²⁰ История Абхазии ..., 116-127.

на картвельских (грузинских) языках. Картвельское население занимало также большую и социально-экономически более развитую часть царства»²¹.

По-разному воспринимается и факт перенесения столицы из Анакопии в Кутаиси

«Д. Мухелишвили об абхазском царстве и общегрузинской культуре: в 70-х гг. VIII века абхазский князь Леон объединил собственно Абхазию с остальным Эгриси, перенес свою резиденцию из Анакопии в Кутаиси – грузинский культурно-политический центр. В течении 200 лет после этого абхазские цари активнее всех боролись за объединение Грузии»²².

«Это отнюдь не было проявлением некой «общегрузинской» политики. Леон II просто как мудрый политик расширял свое царство, используя при этом все доступные для того времени методы. Экспансия Абхазского царства на Восток в VIII-X вв. не только консервировала сплошной абхазский (абасго-апсильский) этнический элемент по всей территории между Гагрой и Ингуром, но и способствовала распространению этого элемента в других регионах Колхиды, Картли и Месхети. Со временем это объективно привело к присоединению этих территорий»²³.

Очевидно, что грузинская версия старается подчеркнуть вклад абхазского царства в общегрузинское дело, а абхазская полностью исключает эту возможность и единственной целью абхазских царей видит в экспансии абхазского элемента.

В обоих учебниках отмечен лингвистический фактор, опять же с разных точек зрения. Грузинский учебник рассматривает его, как предпосылку включения абхазского царства в грузинский культурный ареал. Абхазский старается показать незначительность влияния грузинского языка в этот период.

«С IX в. грузинский язык является основным языком письменности и культуры в Абхазии. Поэтому Абхазское царство с самого начала включилось в систему новых грузинских политических единиц и сыграло позитивную роль в объединении Грузии»²⁴.

«Грузинский язык получил распространение в основном среди абхазских феодалов и известной части торгово-ремесленного населения городов. разговорным же языком коренного населения собственно Абхазии, оставался абхазский»²⁵.

Концепция грузинского народа, данная в грузинском учебнике, ярко выражается во время изложения истории феодального периода. Иллюстрацией тому является приведенная в книге цитата из труда историка Нико Бердзенишвили:

«Все деятели грузинской феодальной культуры были «грузинами», несмотря на то, что по происхождению некоторые были осетинами или двалами... «Грузия» представляла собой единый феодальный мир, с единым языком и культурой. Ее окружали равные по значению миры: Греция, Армения, Тюрко-исламский Восток»²⁶.

Поскольку Абхазское царство считается базисным этапом для формирования абхазского народа и государства, авторы учебника стараются связать его и с особой абхазской культурой. Эту тенденцию можно заметить в разных главах учебника. Если выше говорилось об «абхазском» варианте колхидской культуры, то сейчас упоминается «абхазско-аланская школа»

²¹ История Грузии, 148.

²² История Грузии, 153.

²³ История Абхазии ..., 132.

²⁴ История Грузии, 148.

²⁵ История Абхазии ..., 163.

²⁶ История Грузии, 153.

восточновизантийского церковного зодчества»²⁷. Легко заметить противоположные – интеграционное и партикулярное - устремления учебников.

«Царство абхазов и картлийцев» / Единое грузинское государство

Также неоднозначно отношение к периоду единого грузинского царства. Главная разница в том, какое место отводится этому периоду. В грузинском учебнике он ассоциируется со временем единства и процветания, рассматриваются многие его аспекты. Тому же периоду в абхазском учебнике не отводится много места, материал настолько скудный, что не дает возможности понять в чем суть истории этого царства. Можно сказать, что он проигнорирован.

Разница проявляется и в другом. В абхазском учебнике создание этого царства рассматривается как результат абхазской экспансии на Восток. Главная роль в этом приписывается дочери абхазского царя, которая была матерью первого царя единого государства. Процесс объединения передается схематично.

«Активная восточная политика Абхазского царства вела к присоединению большей части Западного и центрального Закавказья. Этот процесс завершился созданием «царства абхазов и картлийцев» ... Гурандухт, дочь выдающего абхазского царя Георгия II ... умная и волевая женщина, по инициативе абхазского двора и верных ему феодалов, впервые становится правительницей Картли. Затем она сыграла важную роль в становлении «царства абхазов и картлийцев»²⁸ 157.

Что касается грузинского учебника, во-первых, здесь говорится об объединении не только Абхазского царства и Картли. Центральную роль в процессе объединения играет грузинский феодал Давид Курапалат (Багратиони), который в абхазском учебнике выступает как периферийная фигура.

«Когда в Абхазском царстве возросла междоусобица, Давид курапалат ... провозгласил царевича Баграта правителем Картли. В 978 г. также с согласия и поддержки Давида, абхазские феодалы короновали Баграта в Кутаиси»²⁹.

Как уже отмечалось, абхазский учебник не уделяет места конкретным фактам из истории этого царства. В малом количестве информации отмечены только те детали, которые дают возможность говорить о значимости абхазского фактора. Особо выделены «сепаратистские настроения ... со стороны абхазов».

«Царство абхазов и картлийцев» не было строго централизованным государством... поэтому местные феодалы, в том числе и абхазские, часто стремились к сепаратизму ... сепаратистские настроения имели место со стороны абхазов и при царях Давиде строителе и его дочери Тамар, однако известны и факты участия абхазских феодалов в Дидгорской и Басианской битвах»³⁰.

«Золотой век» ... истории Грузии отмечается самыми впечатляющими военно-политическими успехами, чему способствовало единство государства и политико-экономическое развитие...»³¹.

Если в грузинском учебнике с распадом единого государства начинается период упадка, то в абхазском это связано с выделением абхазского княжества и с сравнительно независимым

²⁷ История Абхазии ..., 163, 200.

²⁸ Ibid., 157.

²⁹ История Грузии, 157.

³⁰ История Абхазии ..., 161-162.

³¹ История Грузии, 163.

периодом существования. Опять отмечается, что «основным населением на территории Абхазии ... оставалось коренное абхазское, которое обеспечило свою самобытность...»³².

Установление власти царской России

XIX век один из тяжелейших периодов в истории как абхазского, так и грузинского народов. Как для одного, так и для другого он связан с угрозой ассимиляции. Для абхазского народа положение усугубляется тем, что на протяжении XIX столетия десятки тысяч абхазов были вынуждены покинуть родные места и переселиться в Османскую империю. А права оставшихся на родине резко ограничились после того, как с конца 1770-х годов почти на протяжении 30 лет абхазы были объявлены «виновным» народом.

Абхазский учебник связывает установление российской власти в абхазском княжестве с грузинским фактором. На передний план выдвинуто Мегрельское княжество и ее княгиня «энергичная и властолюбивая» Нино Дадиани, у которой, согласно учебнику, были свои собственные интересы в Абхазии. Российским властям отводится лишь роль орудия для осуществления планов мегрельской княгини.

«[Нина Дадиани, поддерживая царскую власть], преследовала не столько российские, сколько свои личные интересы, хорошо понимая стратегическое и торговое значение Абхазии ... Просительные пункты» Сефербея о принятии Абхазии в подданство России ... были составлены на грузинском языке в Мегрелии под диктовку Нины Дадиани и ее духовника протоиерея Иоселиани»³³.

Согласно учебнику, грузины сыграли решающую роль в установлении российской власти, в устранении абхазского противоборства и больше всех воспользовались результатами царской политики «Абхазия без абхазов».

«Грузино-мегрелы, сыгравшие тогда роль казачества, оказались в привилегированном положении благодаря своему участию на стороне царской России в войне против народов Кавказа, в том числе и абхазов... без всякого сомнения можно сказать, что плодами русской военной победы в Абхазии ... в полной мере воспользовалась зависимая Грузия»³⁴.

В первую очередь, здесь имеется в виду изменение демографической обстановки в пользу грузин. С этим же периодом связывается возникновение имперского сознания и антиабхазской политики. Создается впечатление, что в этот период абхазы пострадали больше от грузин, чем от русских.

«В конце 60-начале 70-х гг. видные представители интеллигенции призывают свой народ осваивать опустевшие в результате махаджирства абхазские земли... в этот период в Грузии начинает формироваться имперское сознание, а народу внушают мысль о его исключительности и особенной роли на Кавказе ... грузинское духовенство навязывала абхазскому населению непонятное грузинское богослужение и грузинский язык, а многие абхазские фамилии мегрельскими священниками записывались на грузинский лад»³⁵.

В то же время, тон становится все больше эмоциональным.

³² История Абхазии ..., 175.

³³ История Абхазии ..., 214, 217.

³⁴ Ibid., 263.

³⁵ Ibid., 264.

«Когда абхазы истекали кровью и были вынуждены массами покидать родину, Я. Гогешашвили доказывал всю выгоду колонизации Абхазии грузино-мегрелами»³⁶.

«Общественный деятель и историк З. Чичинадзе: чем заслужили они [абхазы] такое жестокое и бесчеловечное наказание. Если бы не было принуждения, ни один абхаз не покинул бы родину и не переселился бы в Османскую империю»³⁷.

В отличие от абхазского учебника, грузинский не описывает детально установление российской власти в Абхазском княжестве. Этому вопросу отводится столько же места, сколько и описанию аналогичного процесса в других княжествах. Однако, в главе «Грузия в новое время» (XIX-XXI вв.) есть отдельный параграф «Абхазия в XIX веке». Ни одно другое княжество не выделено особо. Для сравнения, грузинский учебник следующим образом передает махаджирства и отношение грузинских деятелей к абхазскому переселению.

«Мухаджирство, которое ... из за жестокости русских экспедиционных войск приняло катастрофические последствия» - абхазское население резко уменьшилось ... на опустевшие места русское правительство заселяло колонистов – русских, армян, греков ... в Абхазии начали поселяться и грузины, некоторое количество грузин прожмвало там и раньше. Российское правительство пративилось заселению Абхазии грузинами. Однако, в XX в. грузины составляли самую многочисленную этническую группу в Абхазии»³⁸.

Упразднение абхазского княжества рассматривается в параграфе «Следствия политики Российской империи в западной Грузии», где отмечено, что этим фактом «Абхазия разделила участь остальных грузинских царств и княжеств»³⁹.

И в этом случае, Абхазия включена в общегрузинское пространство, где общим противником является российская империя. В грузинском учебнике, начиная с этого периода, царская, затем советская и пост-советская Россия играет значительную роль в истории Грузии. Эта роль, в основном, негативная. С ней связано и ухудшение грузино-абхазских отношений.

1917 - 1921 года

Оба учебника связывают с этим периодом восстановление независимой государственности.

Абхазский учебник уделяет ему особо значительное место. Для сравнения, периоду с 1917 (образование первого АНС) по 1921 (установление советской власти в Абхазии) отводится 50 страниц, тогда как советскому периоду – только 29. Это можно объяснить тем, что авторы проводят параллель между событиями этих годов и конца 1980-начала 1990-х (338, 373). Оба периода связаны с центральной темой –независимостью Абхазского государства и определением места и роли Грузии/грузин с этой точки зрения.

Согласно учебнику, 1917-21годы – это период стремления абхазского народа к созданию и сохранению независимого государства. Грузия выступает как главный противник, оккупант и ассимилятор. Начиная с XIX века Грузия/грузины все чаще появляются на страницах учебника, как правило, в негативной роли.

³⁶ Ibid., 261. Отношение «известного грузинского деятеля» Я. Гогешашвили к абхазскому народу трудно оценить однозначно, так как если в одном месте учебника он назван автором «первой программной работы, в которой говорится о колонизации Абхазии грузино-мегрелами», в другом он «одним из первых» приветствует богослужение на абхазском языке, считая, что «самостоятельный абхазский язык имеет неоспоримое право на свое богослужение, на свою письменность, на свою народную литературу», 270.

³⁷ *История Грузии*, 320.

³⁸ *История Грузии*, 305.

³⁹ Ibid.

Здесь уже появляется заглавие - «Абхазия - не Грузия». В этом параграфе говорится, что «на момент провозглашения Акта о независимости Грузии ... Абхазия как самостоятельная страна находилась вне пределов ее территории»⁴⁰. После чего дано детальное описание оккупации Абхазии войсками грузинского правительства.

*«Во второй половине июня 1918 г. войска генерала Мазниева (Мазниашвили) оккупировали Абхазию... под предлогом борьбы с большевиками и «защиты» Абхазии от Турции ... Войска Грузинской республики в течении почти трех лет оккупировали территорию Абхазии»⁴¹.
«Карательные мероприятия генерала Мазниева и полковника Тухарели летом и осенью 1918 г. сравнивались по своей жестокости и бесчеловечности с действиями царского генерала Алиханова-Аварского в Грузии в 1906 г... так как все эти насилия производились именем Грузинского Правительства, то в абхазской массе сложилось представление о грузинах, как ... о поработителях ... с этого момента начинается трагедия Абхазии»⁴²*

Грузия обвиняется также в нарушении соглашений, в искажении истории для осуществления империалистических целей⁴³. Что касается грузинского учебника, события передаются с иной перспективы. В частности, говорится о борьбе за территориальную целостность Грузии не против абхазского народа, а против большевистской России и генерала Деникина. Переход на военные действия рассматривается как единственная возможность после исчерпания мирных путей. Абхазия не выступает, как активная сторона. Принятие акта об автономии также не связан с противоречиями. Одним словом, этот период рассматривается в плане грузино-российских, а не грузино-абхазских отношений.

«Захватить у Грузии территорию Абхазии стремилась как большевистская Россия, так и борющийся против нее генерал Деникин. Правительство Грузии старалось мирным путем уладить обстановку, но когда это оказалось невозможным, против вторгнувшихся в Абхазию красноармейцев были посланы части грузинской армии под командой генерала Г. Мазниашвили ... вскоре соседом Грузии стала белогвардейская Россия, которая также намеревалась отобрать Абхазию у Грузии»⁴⁴.

Абхазский учебник оценивает политику грузинского правительства как шовинистскую, тогда как грузинская отмечает гарантии этнических/национальных меньшинств при том же правительстве.

«В период 1918-1921 гг. правительство проводило шовинистическую политику не только к абхазам, коренному населению края, но и к армянскому и греческому населению Абхазии... совершенно не считаясь со спецификой Абхазии, где большинство говорило (и говорит) на русском языке, грузинские меньшевики в целях осуществления программы «национализации» (грузинизации) края навязывали этой стране грузинский язык в учреждениях и школах. Грузия «классический пример империалистической малой национальности и по отношению к захватам территории вне своих пределов»⁴⁵.

«Правительство Грузии особое внимание уделяло защите прав этнических меньшинств. Согласно закону от 13 сентября 1918 г., в состав высшего законодательного органа – Национального Совета – вошли еще 26 представителей этнических меньшинств»

Отрывки из первой конституции Грузии:

⁴⁰ История Абхазии ..., 301.

⁴¹ Ibid., 307, 337.

⁴² Ibid., 310-311.

⁴³ Ibid., 316-317.

⁴⁴ История Грузии, 383.

⁴⁵ История Абхазии ..., 336.

«Нельзя ограничить свободное социо-экономическое и культурное развитие кокого-либо национального меньшинства Грузии, в особенности обучение на родном языке и управление национально-культурными делами. Все имеют право писать, издавать и говорить на родном языке (14, 129)»⁴⁶.

Абхазский учебник, подытоживая политику «режима Грузинской Республики», отмечает, что «Грузинская демократия 1918-1921 гг., бывшая формой диктатуры социал-демократии, являлась периодом подготовительным к торжеству в Грузии диктатуры советской»⁴⁷. Этим авторы пытаются показать связь и наследственность между такими существенно отличающимися периодами в истории Грузии, каким являются Первая Демократическая Республика, Советская Республика и пост-Советская Грузия. Главный связывающий элемент между ними – это последовательная антиабхазская политика, начатая в XIX веке.

Советский период

Если установление советской власти связано с потерей независимости Грузии, тот же факт ассоциируется с освобождением от грузинской оккупации и восстановлением независимости Абхазии. однако, короткий период независимости снова завершился грузинской оккупацией. Советский период рассматривается в плане абхазо-грузинских взаимоотношений, когда имело место «попрание прав абхазского народа», «незаконные перемещения и расстановка национальных кадров», «массовые репрессии».

Естественно, первый период связан с именами Сталина и Л. Берия. Особенно тяжкими сочтены годы правления Сталина. Так как в абхазском учебнике почти ни в одном случае не представлен общий контекст явлений, создается впечатление уникальности и исключительности абхазской истории. Так, говоря о репрессиях сталинского периода, национальной и кадровой политике, изменении топонимики и т.д., не указано, что они имели место не только в Абхазии. Таким образом, создается впечатление, что все это было направлено только против абхазского народа со стороны грузинской советской диктатуры.

«По воле Сталина началась закулисная борьба против государственности Абхазии ... переселение грузинов в Абхазию приняло преднамеренно плановый характер при меньшевистском правительстве Грузии ... к практическому ее претворению в жизнь власти Грузии преступили по инициативе «любимого сына грузинского народа» Л.П. Берия ... они потом составили «Пятую колонну» во время Отечественной войны народа Абхазии в 1992-93 гг.»⁴⁸.

Грузинский учебник, рассматривая советский период, акцентирует порочность коммунистического режима, который представлен вне этнического контекста. Особо выделен параграф «Межнациональный вопрос в Абхазской АССР в последние полвека»⁴⁹. Основной причиной обострения межнациональных отношений во время советской власти и, особенно с 40-х годов, названа «порочная внутренняя политика коммунистов (кадровая, демографическая, образовательная и т.д.)». Также отмечено, что «определенные службы советского центра целеустремленно разжигали этническую вражду с целью усиления контроля над Абхазией и всей Грузией». Резкое ухудшение положения в конце 1980-х годов тоже названо результатом «политики коммунистического правительства», которое, согласно учебнику, «для сохранения власти не избегало и политику кровопролития».

⁴⁶ История Грузии, 386.

⁴⁷ История Абхазии ..., 337.

⁴⁸ Ibid., 341, 356, 358.

⁴⁹ История Грузии, 447.

Оба учебника согласны в том, что абхазско-грузинское противоречие не носило этнического характера. В ухудшении ситуации оба обвиняют правительство, но в абхазской версии это подчеркнуто грузинская политика, а в грузинской – не носящий этнического признака коммунистический режим.

«Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 годов» / «Введение правительственных войск в Абхазию»

В учебниках разный статус присужден и конфликту 1990-х годов. В абхазском он упоминается как «*Отечественная война*», также «*грузино-абхазская война*»⁵⁰. В грузинском он не назван «войной», лишь несколько раз упоминается слово «конфликт». Только в единственном предложении можно прочесть - «*начало военных действий в Абхазии*»⁵¹, хотя трудно сказать, квалифицирована ли этим события 90-х гг. как война.

Разница состоит также в эмоциональном напряжении и в использованных выражениях. Абхазский учебник детально описывает динамику конфликта, тон эмоциональный и патетический. В ряде случаев проводятся параллели, что обостряет восприятие рассказа⁵². Грузинский учебник, последовательно передавая событий, описывает общую картину, не вдаваясь в детали. Тон сдержанный и нейтральный. В абхазском рассказ ведется от первого лица («наши генералы»), грузинская сторона названа как «враг», «противник», «соперник». Грузинская версия старается сохранить дистанцию, абхазы не названы «врагами» или «сепаратистами», говорится об «абхазской стороне» и «грузинской стороне».

Так же по разному оценивается роль внешнего фактора. Абхазская версия не уделяет ему значительного места, но представляет как поддержку грузинского правительства.

*«Определенные высшие круги ельцинской России ... способствовали вооружению Грузии»*⁵³.

В отличие от этого, грузинский учебник отводит внешним силам гораздо значительную роль в обострении ситуации и эскалации конфликта.

*«Выбор в пользу силового урегулирования ситуации был спровоцирован тем фактом, что летом 1992 г. Россия передала Грузии большую партию оружия. Предположительно, это было намеренное действие со стороны России, с целью втянуть Грузию в вооруженный конфликт и этим сохранить свое влияние над ней ... Началом военных действий в Абхазии стало очевидным роль Москвы в этом конфликте. Противостоящие стороны воевали советским оружием и главным источником пополнения их арсенала была Россия»*⁵⁴.

Авторы стараются обратить внимание ученика на это обстоятельство, формулируя задание следующим образом: «*Назовите внешние факторы, которые способствовали обострению обстановки и сыграли отрицательную роль в урегулировании отношений с абхазами*»⁵⁵.

В разном объеме, но в обоих учебниках отмечается «война историков», которая предшествовала вооруженному конфликту. В абхазском он назван идеологической войной против абхазов. Говорится об «*ошибочном и провокационном тезисе*». В этом случае и

⁵⁰ *История Абхазии ...*, 375.

⁵¹ *История Грузии*, 454.

⁵² «Данная военная акция [введение грузинских вооруженных сил на территорию Абхазии] по своей сути напоминала интервенционистскую акцию грузинского генерала Мазниева в июне 1918 года», ; «[Г. Ткуарчал] напоминал когда-то осажденный Ленинград». *История Абхазии ...*, 377, 378.

⁵³ *Ibid.*, 377.

⁵⁴ *История Грузии*, 453-454.

⁵⁵ *Ibid.*

грузинский учебник называет это утверждение неверной и пропагандистской, который вызвал справедливую обиду со стороны абхазов.

«Ошибочный и провокационный тезис - абасги – абхазы античности и средневековья не являлись предками современного абхазского народа, а были грузинами. нынешние же абхазы это племя апсуццев, осевшие на территории Абхазии лишь два-три столетия назад... абхазы представлялись как «гости» и временные жители на грузинской земле... лидеры тогдашней Грузии ... стали открыто заявлять, что Абхазия – это грузинская земля, а абхазы – это грузины»⁵⁶.

«Обиду и негодование вызывало распространенное в части общества и политиков мнение о том, будто абхазы переселились на побережье Черного моря всего лишь 200-300 лет назад и не имеют прямой связи с древним населением этих мест. Эта неверная пропагандистская теория, которую не разделяет грузинская историческая наука»⁵⁷.

По разному оценивается и собственная роль в конфликте. Как отмечалось, Абхазская версия возводит события в ранг «Отечественной войны» и рассматривает их в контексте войны за независимость, речь идет о «защите справедливости и Родины от посягательств на ее свободу»⁵⁸. Естественно, в таком случае о собственной ответственности не может быть и речи. В грузинском случае ситуация иная. Выше уже говорилось о значении внешнего фактора с точки зрения грузинского учебника. В месте с этим говорится об ошибках грузинской стороны. За осложнение отношений с национальными меньшинствами ответственность, в некоторой степени, возлагается и на грузинских политических лидеров.

«Самой большой ошибкой Государственного совета, последствия которой и сегодня являются одной из главных проблем Грузии, было введение войск в Абхазию в августе 1992 года».

«Вместе с ростом национального движения на передний план вышли этнические и религиозные моменты. По этой причине, у некоторых этнических групп живущих в Грузии появилось чувство незащищенности. Это сопровождалось заявлениями и некоторых неопытных грузинских политических лидеров. В результате этого, недоверие, возникшее на этнической основе, повлияло и на бытовой уровень»⁵⁹.

Грузинский учебник упоминает о тысячах погибших и сотни тысяч беженцев, но не в контексте «этнической чистки». Даны истории конкретных лиц – абхазов и грузин - которые, согласно учебнику, лично «испытали результаты этнической нетерпимости». Они рассказывают о фактах как нетерпимости, так и сострадания. Жертвами показаны как грузины, так и абхазы. Кроме того, приводятся случаи конфликтного периода, когда абхазы помогали грузинам выйти на безопасную для них территорию, а грузинские врачи сохраняли жизнь раненым абхазским войнам.

«Рассказ грузинской беженки: «В 1993 г. абхазы и боевики других национальностей вторглись в наше село ... отняли драгоценности, нескольких человек убили перед нашими глазами ... мы попали в семью одного добросердечного абхаза, он принял 15 человек. Его сын приносил молоко для наших детей. Через некоторое время ... знакомый абхаз проводил нас до моста Ингур, обнял нас и сказал: «мы все равно будем вместе».

Вопрос: какую ценность поставила абхазская семья выше этнической принадлежности?»⁶⁰.

Реконструирование событий на основе личных рассказов - один из известных методов восстановления отношений между противостоящими сторонами. Он неоднократно

⁵⁶ История Абхазии ..., 374-375.

⁵⁷ История Грузии, 448.

⁵⁸ История Абхазии ..., 382.

⁵⁹ История Грузии, 453, 459.

⁶⁰ Ibid., 460.

использовался в конфликтных регионах с целью способствовать процессу урегулирования. Возможно, рассказы, приведенные в учебнике, имеют сходную функцию. В любом случае, ученик, который лично не испытал период конфликта, в качестве жертвы может увидеть как грузина, так и абхаза. Ответственность также возлагается на обе стороны, так как, согласно учебнику, только одна сторона не может быть виновной и на уступки должны пойти и те и другие.

В отличие от этого, в абхазском учебнике единственная жертва – негрузинское население Абхазии и в первую очередь, абхазы. Естественно, агрессор не может быть жертвой. Рассказывается о жестокости грузинских бойцов, этнической чистке и культурном геноциде.

«С первого дня агрессии грузинские боевики расстреливали мирных граждан, подвергали их пыткам и насилиям, сжигали дома и села, ченили расправу не только над абхазским, но и над армянским, русским, греческим, еврейским населением. На оккупированной территории проводилась этнические чистки. помимо физического истребления, проводилась и политика культурного геноцида»⁶¹.

Абхазская версия оправдывает эту войну, вследствие которого она достигла независимости. Грузинская старается показать тяжелые для обеих сторон последствия. Говорится также об исторической закономерности развития Грузии, результатом которого «в условиях независимого существования» должно было быть формирование мультиэтнического здорового общества, «основанного на гражданских ценностях». Однако припятствием в этом процессе считается внешний фактор в виде российской политики последних двух столетий. Несмотря на то, что грузинский учебник беспрецедентно самокритичен, по сравнению с учебниками 1990-х гг., здесь все же можно увидеть попытку самооправдания, желание показать, что для грузинского общества нехарактерна нетерпимость на этнической основе.

В виде заключения, учебники можно охарактеризовать следующим образом:

Очевидно, что перед авторами обеих учебников стояла тяжелая задача.

Для грузинских авторов трудность состоит в том, как рассматривать абхазский вопрос и одновременно сохранять незэмоциональный, политически корректный и нейтральный тон, не нанести ущерба государственному интересу в сохранении территориальной целостности и в то же время не создать образ абхаза как врага. Несомненно положительно, что «абхаз» не носит негативного содержания, но эта цель достигнута в результате максимального сокращения информации. Для ученика остается непонятным – кто такие абхазы? Авторы стараются подчеркнуть историческую включенность абхазского народа в общегрузинское политическое и культурное пространство. Но в чем заключается отличие их языка, культуры и исторического развития? Ответы на эти вопросы трудно найти в учебнике. Создается некоторое противоречие, когда, с одной стороны, Грузия названа единственной родиной абхазов, а с другой, мало что сказано о них. Понятно, что построение интегрированного абхазско-грузинского (и не только) прошлого является основой для формирования интегрированного общества сегодня, но, в то же время, возможно несколько раздражительно постоянное подчеркивание доминантности грузинского культурного элемента и общенациональных интересов. Было бы желательно уделить больше места общей судьбе живущих в Грузии этносов и показать их вклад в историю страны на основе конкретных примеров, а не в виде общих заявлений. Это касается не только

⁶¹ *История Абхазии ...*, 382.

абхазов, но и других этнических меньшинств. На наш взгляд, это было бы более эффективным средством для достижения гражданской интеграции и формирования гражданского самосознания, что является одной из целей общего образования в Грузии.

Другой стороной «нейтральной» истории являются пробелы и умолчания. Учебники предпочитают молчать, чем изображать негативные образы, что в результате становится причиной скудного знания истории «другого»⁶². Эти пробелы, как известно, легче всего заполняются стереотипами.

Перед абхазскими авторами, кроме таких целей, как легитимация независимого государства, мобилизация общества вокруг этой идеи, укрепление национальной идентичности и т.д., стоит и другая задача. Известно, что во время конфликта 1990-х годов, и так малочисленное абхазское население понесла большие утраты. Правда, эйфория победы частично пересилила эту боль. Но стоила ли эта утрата того, что представляет сегодня реальность? Достигла ли Абхазия независимости?

Реконструкция истории, где подчеркнут абхазский этнический элемент в постоянном противопоставлении с грузинским, ставит целью оправдать существующий конфликт, показать ее неизбежность, так же как и укрепить существующее непрочное положение абхазского общества, в светлых тонах изобразить будущее⁶³, которое, на сегодняшний день, не совсем ясна.

То что Грузия/грузины всегда показаны в негативной роли захватчика и агрессора, побуждает к мысли, что так будет продолжаться и в будущем⁶⁴, то есть противостояние было неизбежно в прошлом и в будущем не видна иная перспектива. Абхазии/абхамам отводится только пассивная роль «жертвы», что снимает всякую ответственность за постигшие их несчастья.

В абхазском учебнике противопоставлены «правдивый» абхаз и «виновный» перед ним грузин. Как отмечает Дубравка Стоянович, «Историческая правдивость» собственного народа, который в прошлом не причинял зла другим ... создает образ своего народа как «неизменно справедливого» ... результатом этого является нереалистичное восприятие своего места среди других народов. К тому же устанавливает авторитарное отношение к истории как к чему-то мистическому, эфемерному, как правило, несправедливому и, больше всего, как подобному судьбе или року, который находится вне контроля и за которого люди не могут нести ответственность ... Интерпретация исторических событий таким образом, который создает впечатление, что соседние народы покушались на территорию, которые считаются исторически «нашим» и что «так было всегда», ведет к имплицитному заключению, что ничего не изменится и в будущем. Такая интерпретация прошлого имеет, по меньшей мере, три пагубных следствия: 1. Создает неверное восприятие, что только собственный народ является «исторической жертвой» и, следовательно, нереалистичное отношение к нему; 2. Порождает несознательный страх к соседним народам. поддерживаемый описанием злодеяний и жестокостей в учебниках, это вызывает тревогу, враждебность и возможный реваншизм; 3. Устанавливает опасную и

⁶² Kristina Koulouri. "The Tyranny of History", in: K. Koulouri ed., *Teaching the History of Southeastern Europe*. Thessaloniki: Petros Th. Ballidis & Co., 2001, 17.

⁶³ «Не за горами тот день, когда весь абхазский народ соберется у себя в одном родном большом доме, которым является нынешняя свободная Республика Абхазия». *История Абхазии ...*, 288.

⁶⁴ «Агрессивной политике придерживается и нынешнее политика Грузии». *Ibid.*, 399.

неправильную мысль, что отношения между народами и их «исторические черты» неизменны и что история вращается по злему кругу⁶⁵.

Еще одно обстоятельство, которое может иметь негативное последствие на восприятие учеников, то, что представленный в учебнике пространственный горизонт, как географический, так и культурный, сужен до современных границ Абхазии. История Абхазии вырвана из любого контекста. Трудно представить, что такое положение будет способствовать адекватному восприятию, как *себя*, так и *другого*.

В результате анализа явно предстала опасность того, что следующие поколения могут стать жертвами представленных в учебниках «конфликтных историй». В сегодняшней обстановке трудно предложить какие-либо рекомендации, возможно, это и не было бы целесообразным, так как нельзя обсуждать возможности ревизии учебников односторонне, без сотрудничества и координации. К сожалению, в настоящий момент невозможно говорить о какой-либо согласованной работе с абхазскими коллегами. На этом этапе, делом первостепенной важности является осознание опасности, которую содержит преподавание противоположных версий истории. Только после этого будет возможным совместно выявить пути для их преодоления.

Кетеван Какителашвили
Асоциированный профессор
Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили
keti_ka@yahoo.com

⁶⁵ Dubravka Stojanovic, “History textbooks and Creation of National Identity,” in: K. Koulouri, ed., *Teaching the History of Southeastern Europe*, Thessaloniki: Petros Th. Ballidis & Co., 2001, 28-29.